

В.П.Сударев

В поисках ответов на новые геополитические вызовы

В статье рассмотрена существенно усложнившаяся геополитическая ситуация в Латинской Америке в начале второго десятилетия XXI в. В регионе идет интенсивный поиск рычагов преодоления вырисовывающихся новых глобальных рисков, главный из которых — перспектива растущей маргинализации в создающейся новой архитектуре мировой политики.

Ключевые слова: политика Обамы, Тихоокеанский альянс, риски фрагментации региона.

В начале XXI в. обстановка в Западном полушарии существенно осложнилась. Основная конструкция, связывающая две Америки, — межамериканская система — вступила в полосу глубокого кризиса, что обозначило сценарий разделения континента на Север, включавший США, Канаду, Мексику и «мягкое подбрюшье» — Центральную Америку и Карибский бассейн, с одной стороны, и Южную Америку — с другой.

Это произошло не только из-за фиаско продвигавшегося Вашингтоном стратегического проекта создания в масштабах полушария самой крупной в мире Общеамериканской зоны свободной торговли (*Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA*)¹. В прошедшем десятилетии имело место дистанцирование между Вашингтоном и государствами региона в политической области, во многом связанное с «левым поворотом» в Латинской Америке в начале XXI в. К тому же администрация Барака Обамы оказалась неспособной, в отличие от своих предшественников, выступить со сколь-либо значимой общерегиональной инициативой. Вспомним в этой связи хотя бы политику «доброго соседа» Франклина Рузвельта, программу «Союз ради прогресса» Джона Кеннеди и даже продвигавшийся вплоть до 2005 г., правда, почти безуспешно, суперпроект ALCA.

При этом нельзя сказать, что администрация Б.Обамы вновь «повернулась спиной» к латиноамериканскому региону. Весьма эффектно прозвуча-

Владимир Петрович Сударев — доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (v.sudarev@mtu-net.ru).

ла его идея резко интенсифицировать обмен студентами, доведя этот процесс до 100 тыс. к 2020 г. Однако, по признанию госсекретаря Джона Керри, темпы реализации идеи существенно отстают от первоначально намеченных, что во многом связано с трудностями, возникшими при формировании фонда финансирования программы, в котором частный сектор должен играть заглавную роль, а он пока особого энтузиазма не проявляет.

По официальным данным, в 2013 г. в американских университетах обучались 67 тыс. латиноамериканцев, а в латиноамериканских — 45 тыс. выходцев из США. При этом, по данным госдепартамента, наплыв студентов из Китая, Индии и Южной Кореи в разы превышал приток студентов из стран Латинско-Карибской Америки (ЛКА). Это, на наш взгляд, во многом было связано с общей стратегической переориентацией Вашингтона на тихоокеанское направление, о чем будет сказано ниже.

В пользу сценария «размежевания» Западного полушария по горизонтальному принципу работал и составленный рядом экспертов прогноз существенных перемен в энергетической политике США, которые могут иметь место к концу текущего десятилетия. Благодаря «сланцевой революции» Соединенные Штаты способны стать главным мировым экспортером энергоресурсов, что существенно снизит их зависимость от импорта нефти из Латинской Америки (на середину 2013 г. 30% поставок нефти в США приходилось на Западное полушарие и только 20% — на Ближний Восток).

К тому же одобренный в декабре 2013 г. в Мексике закон об энергетической реформе, вероятно, существенно ускорит энергетическую интеграцию в рамках Североамериканской зоны свободной торговли (North American Free Trade Agreement, NAFTA), что сделает Северную Америку значительно более независимой от импорта энергоресурсов.

Однако подобный сценарий «разлома» Западного полушария на Север и Юг предполагал для обеих сторон и немалые риски. Несмотря на ослабление экономической взаимозависимости двух Америк, она оставалась весьма существенной. В ситуации, когда рынок США для большинства латиноамериканских стран, несмотря на диверсификацию их внешних связей, по-прежнему оставался приоритетным, потеря доступа к нему противоречила экономическим интересам государств региона.

Да и для Соединенных Штатов доступ на рынки ЛКА имел существенное значение. Напомним в этой связи, что в последние годы во внешней торговле между двумя Америками был зафиксирован существенный рост. В 2012 г. около 44% американского экспорта (340 млрд долл.) приходилось на страны региона, что, кстати, было втрое больше, чем экспорт США в Китай. К тому же с 12 из 18 латиноамериканских государств Соединенные Штаты уже имеют соглашения о свободной торговле.

В Вашингтоне отдавали себе отчет в рисках «потери» Южной Америки. Многие эксперты отмечали, что характер дипломатической активности США последних лет действительно указывал на признаки утраты интереса к этому региону. После того, как Дж. Керри в феврале 2013 г. занял пост госсекретаря, он за один только год совершил 19 зарубежных поездок (в общей сложности побывав в 36 государствах) и только две из них — в Южную Америку (Колумбию и Бразилию).

В одном из интервью, как бы оправдываясь, Керри заявил, что его присутствие требовалось в «горячих точках» типа Сирии и Ирана, в то время

как с латиноамериканскими государствами интенсивно развивались отношения в торгово-экономической и иных областях, а с 12-ю странами у Соединенных Штатов действовали соглашения о свободной торговле.

Не думается, что Керри при этом лукавил, может быть, лишь слегка, но факт остается фактом: за исключением Мексики, которую он собирался посетить, «но помешали непредвиденные обстоятельства», активность по другим направлениям политики в регионе (исключая центральноамериканский) в период второй администрации Обамы резко упала. Это вряд ли компенсировало сделанное госсекретарем 4 декабря 2013 г. заявление о том, что США считают Доктрину Монро «устаревшей» и не соответствующей сегодняшним реалиям.

Представляется, что аналогичный эффект имел и состоявшийся в мае 2013 г. визит вице-президента Джо Байдена на Тринидад и Тобаго, в Колумбию и Бразилию (ранее в этом же году Обама посетил Мексику и Коста-Рику). В Бразилии, с которой Соединенные Штаты продолжают искать варианты (правда, пока практически безрезультатно) выгодного для себя стратегического партнерства, Байден сделал ряд традиционных широковещательных заявлений, к которым в регионе уже привыкли и на которые почти не реагируют. В частности, в весьма банальной форме он заявил о возможности наступления «новой эры» в отношениях двух Америк.

Естественно, американский вице-президент подчеркнул особую роль Бразилии, отметив, что у США нет более значимого партнера, чем латиноамериканский гигант, высказав при этом заинтересованность своей страны в освоении крупных месторождений нефти, обнаруженных на дне бразильских территориальных вод.

Относительно взаимной торговли, достигшей в 2012 г. 100 млрд долл., Байден отметил, что не видит особых препятствий к тому, чтобы ее объем в предстоящие годы возрос до 400—500 млрд².

Не остался незамеченным и тот факт, что, выступая на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2013 г., американский президент ни разу не упомянул Латинскую Америку.

Пожалуй, наиболее существенным шагом в латиноамериканском направлении к концу первого срока президентства Обамы стал выдвинутый им проект реформы миграционного законодательства, который, правда, опять же касался в основном Мексики и государств Центральной Америки, да и который еще ждет долгий путь через коридоры конгресса. Напомним, что речь шла о придании статуса полноценного гражданства нелегально проживающим в США выходцам из этих стран; их число к началу второго десятилетия нынешнего века превысило 10 млн человек.

Бросается в глаза и еще одно «новшество». Соединенные Штаты постепенно начинают выстраивать особые отношения, минуя не всегда дружелюбно настроенные федеральные власти, с отдельными местными правительствами стран ЛКА. Об этом свидетельствовало, например, подписанное Вашингтоном в марте 2013 г. двустороннее соглашение между США и самым экономически развитым бразильским штатом Сан-Паулу.

Подобная стратегия может иметь далеко идущие последствия. Ведь не секрет, что в ряде государств, отношения которых с Вашингтоном вряд ли можно назвать дружескими, власти крупнейших городов находятся в конфронтации с центральными властями. Это — и Каракас (Венесуэла), и Бу-

энос-Айрес (Аргентина), и Гуаякиль (Эквадор), и Санта-Крус (Боливия). В данном случае речь может идти о расширении сфер влияния США в этих странах и, в частности, за счет укрепления контактов с оппозицией.

Эффект своеобразного «холодного душа» в отношениях между двумя Америками имел разгоревшийся в июле 2013 г. шпионский скандал, связанный с «делом Сноудена». Бывший сотрудник американских спецслужб предал гласности факт существования разветвленной разведывательной сети, созданной Соединенными Штатами по всему миру, в функции которой входило и прослушивание разговоров высших государственных деятелей, в том числе в большинстве стран Латинской Америки. В результате многие государства региона, включая и наиболее политически близких США партнеров, таких как Мексика, Колумбия и Чили, потребовали у Вашингтона официальных объяснений, что поставило Белый дом в весьма двусмысленное положение. Президент Бразилии Дилма Руссефф даже отменила планировавшийся на конец октября 2013 г. официальный визит в Соединенные Штаты.

Опасность осуществления в будущем «сценария разлома» континента теоретически существует и в связи с объявленными администрацией Обамы стратегическими планами образования Транс-Тихоокеанского партнерства, с одной стороны, а с другой — создания Трансатлантической ассоциации по торговле и инвестициям между Северной Америкой и Европейским союзом. При этом, как отмечает один из ведущих американских специалистов по Латинской Америке Андрес Оппенгеймер, ни о какой Транс-американской ассоциации речь вообще не шла³.

Реализация каждого из этих двух суперпроектов большинству стран региона грозит опасностью маргинализации в новом мировом геоэкономическом пространстве. Как отметил на пресс-конференции генеральный директор Всемирной торговой организации (ВТО), представитель Бразилии Роберту Азеведу, объявленное Соединенными Штатами 13 февраля 2013 г. начало переговоров по образованию американско-европейской зоны свободной торговли неизбежно нанесет ущерб многосторонним переговорам в рамках «Раунда Дохи» и так зашедших в тупик еще в 2008 г. Потеряет от этого и Латинская Америка⁴.

И хотя осуществление и того, и другого проектов в силу их сложности и, в известном смысле, «громоздкости» — дело довольно отдаленного будущего, ведущие государства Латинской Америки уже сейчас пытаются разработать пути нейтрализации подобной перспективы. Это, в частности, породило сразу несколько новых региональных интеграционных инициатив, которые, будучи направлены на нейтрализацию одних рисков, заметно усилили другие, а именно — риски фрагментации региона, появления в нем новых разделительных линий.

Казалось бы, на нейтрализацию этих рисков направлено образование в 2011 г. вместо Группы Рио Сообщества латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC). Однако интеграционный проект, в который входят 34 страны различных весовых категорий, с разными экономическими и политическими режимами, находился, по крайней мере на момент написания работы, в зачаточном состоянии и носил скорее демонстрационный характер.

В этой связи весьма показательным, на наш взгляд, является заявление бывшего президента Чили Эдуардо Фрея Монтальвы: «Почему мы, латиноамериканцы, все время изобретаем новые проекты для достижения ста-

рых целей, если мы не можем довести до конца прежние, которые мы принимали с тем же энтузиазмом, как и сейчас? Потому что среди наших основных проблем — потеря стратегического мышления, неумение видеть долгосрочную перспективу, традиции каудильизма»⁵.

Между тем четыре ведущих государства, выходящие к Тихому океану, — Мексика, Колумбия, Перу и Чили — в 2012 г. образовали Тихоокеанский альянс (*Alianza del Pacífico*). Целями этого объединения были, в частности, создание зоны свободной торговли (к середине 2013 г. в отношениях между ними более чем на 90% были устранены таможенные пошлины) и совместное освоение Азиатско-Тихоокеанский региона (АТР) в надежде присоединиться к будущему Транс-Тихоокеанскому партнерству.

Объединение ведущих тихоокеанских стран ЛКА (с возможным подключением государств Центральной Америки) — безусловно, значимое явление в случае, если речь пойдет о реальной интеграции в зоне АТР. Альянс обладает существенным демографическим и экономическим потенциалом. В совокупности он является девятой экономикой мира, объединяя около 210 млн потребителей и обладая совокупным ВВП в 1,7 трлн долл. Это — 36% ВВП всей Латинской Америки, в то время как экспорт группировки (в основном за счет Мексики) составляет 55% от общерегионального, почти вдвое превосходя показатель Общего рынка стран Южного конуса (*Mercado Común del Sur*, *Mercosur*) — самого крупного до сих пор субрегионального интеграционного объединения в ЛКА.

Однако о перспективах нового объединения пока судить сложно. С одной стороны, все его страны-участницы имеют соглашения о свободной торговле с США и к тому же являются их главными политическими партнерами в регионе. С другой — это все же экономики разных весовых категорий. Экономический потенциал Мексики несравнимо выше, чем у других членов альянса. Да и с точки зрения активности в АТР они заметно разнятся. Если для Чили это давно отработанное направление внешней политики, то у той же Колумбии, всегда считавшейся «атлантической страной» со слабо развитыми районами тихоокеанского побережья, связи с этим регионом находятся в зачаточном состоянии. Немаловажным обстоятельством является и наличие между двумя членами объединения — Перу и Чили — острого территориального спора по вопросу прохождения морской границы.

Характерно, что государства — члены Боливарианского альянса для народов Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América*, *ALBA*), главную роль в котором играют режимы леворадикальной ориентации, в штыки восприняли учреждение блока тихоокеанского побережья. На XII саммите *ALBA* в г. Гуаякиль (Эквадор) в августе 2013 г. Тихоокеанский альянс в достаточно жесткой форме был объявлен воплощением неолиберального проекта, несовместимым с «идеологией латиноамериканской интеграции». Отрицательное отношение к объединению высказало и руководство Бразилии, правда, в менее резкой форме. Министр иностранных дел страны Антонио Патриота отметил, в частности, что альянс по глубине интеграционного процесса существенно уступает *Mercosur*⁶. Тем не менее в правящих кругах Бразилии все больше склонялись к целесообразности присоединения к альянсу. Это подтвердили слова нового министра иностранных дел этой страны А.Фегейреду о необходимости срочно ускорить процесс интеграции между *Mercosur* и Тихоокеанским альянсом.

В перспективе присоединение латиноамериканского блока к Транс-Тихоокеанскому партнерству может существенно осложнить «китайский фактор». Ведь очевидно, что выдвинутый США проект объединения в АТР в первую очередь направлен на сдерживание экономической экспансии Китая, который, как и Россия, в проект «не приглашен». Напомним в этой связи, что Китай уже стал важнейшим торговым партнером ЛКА: первым — для Бразилии, Чили и Перу; вторым — для Аргентины, Мексики, Коста-Рики и Кубы. Общий объем товарооборота стремительно рос и к 2013 г. достиг почти 250 млрд долл. Величина прямых инвестиций Китая в страны Латинской Америки за прошедшее десятилетие увеличена более чем в 20 раз, составив почти 80 млрд долл. Считается, что к 2015 г. КНР способен вытеснить Европейский союз (ЕС) со второго места в ЛКА в качестве иностранного инвестора.

Изменяется характер отношений Китая и Мексики. Еще несколько лет назад мексиканские предприниматели видели в КНР в основном опасного конкурента, стремящегося занять на американском рынке ниши, которые те считали своими благодаря членству в NAFTA. Однако взятый администрацией Энрике Пеньи Ньето (избранного президентом в 2012 г.) курс на некоторую нейтрализацию чрезмерной зависимости от США выразился в заметно возросшем интересе к развитию связей с Поднебесной.

Это подтвердил состоявшийся в апреле 2013 г. визит мексиканского президента в Китай, в ходе которого Э.Пенья Ньето высказал заинтересованность не только в достижении большей сбалансированности двусторонней торговли, в которой китайский экспорт существенно превышал импорт, но и в наращивании поставок мексиканской нефти в КНР и привлечении китайских инвестиций в инфраструктурные проекты страны⁷. Китай использует такие государства, как Чили и Перу в качестве тихоокеанской «платформы» для связей с южноамериканскими гигантами — Бразилией и Аргентиной — посредством прокладки трансокеанских транспортных коридоров. Очевидно, что и Чили, и Перу крайне заинтересованы в китайских инвестициях в развитие своей инфраструктуры, прежде всего транспортной. С 2005 и до середины 2013 г., по оценкам базирующегося в Вашингтоне авторитетного «мозгового центра» Межамериканского диалога, Китай инвестировал в инфраструктурные проекты в ЛКА 44,9 млрд долл. И именно с Перу и Чили (а также с Коста-Рикой) КНР имеет соглашения о свободной торговле.

Как бы это на первый взгляд ни было парадоксально, можно сказать, что именно Китай до последнего времени является своеобразным интегрирующим фактором, препятствуя другому геополитическому сценарию — расколу региона по меридиональному принципу на «тихоокеанскую» и «атлантическую» Латинскую Америку.

Вместе с тем, по прогнозам ряда экспертов, значение «китайского фактора», обеспечивавшего в прошедшем десятилетии небывалый экспортный бум в ЛКА (экспорт стран региона в КНР в основном сырьевых товаров и продовольствия, подскочил с 4 млрд долл. в 2000 до 71 млрд в 2012 г.), в предстоящие годы может быть существенно уменьшено. Это объясняется замедлением роста экономики Поднебесной. Прирост ВВП, составлявший в последние несколько десятилетий ежегодно не менее 10%, в ближайшие десять лет, по оценкам Всемирного банка, может снизиться до 5—6%, что во многом связывается с попытками КНР перейти от экспортной модели экономики к стимулированию внутреннего потребления. Последнее может привести к ограничению импорта, что в свою

очередь негативно отразится на экономическом росте основных партнеров Китая в Латинской Америке. Во многом в связи с этим ЭКЛАК уже понизила рассчитываемый ею показатель роста региона в 2013 г. с 3,5% до 2,6%.

Другим внерегиональным направлением международной активности, с помощью которого государства ЛКА традиционно стремились нейтрализовать риски маргинализации, был курс на развитие связей с Евросоюзом. Но здесь на сегодня приходится констатировать наличие неудовлетворительных итогов. Так и не реализован разрабатываемый еще с середины 90-х годов прошлого столетия проект «трансатлантического моста» ЕС — Mercosur, в основе которого лежал план экономической ассоциации двух объединений. Образованное еще в 1991 г. Иberoамериканское сообщество наций так и не вышло за рамки регулярных саммитов и по существу пока так и не превратилось в полноценную международную организацию. Малорезультативными оказались и несколько саммитов ЕС — Латинская Америка. Хотя в повестку дня периодически вносился (в основном усилиями латиноамериканских лидеров) вопрос о взаимном «таможенном разоружении», представители ЕС делали все возможное, чтобы избежать конкретных обязательств в этой области, стремясь сохранить политику сельскохозяйственного протекционизма.

Мировой экономический кризис привел к определенной переоценке ценностей в этой области. С одной стороны, он высветил тот факт, что традиционная асимметрия в отношениях двух регионов уже не столь очевидна, тем более что ЛКА куда более успешно преодолела последствия кризиса, чем увязшие в нем Западная и Южная Европа. Если в течение десятилетий государства региона стремились воспроизводить западноевропейский опыт, а в ряде случаев и просто его копировать, и прежде всего в интеграционном строительстве, то теперь, как отмечали эксперты Университета Алкала, «Европа перестала быть примером для Латинской Америки в выборе пути развития и превратилась в пример того, каким путем идти не следует»⁸.

С другой стороны, наступил момент, когда трансатлантическим связям можно придать большую динамику. Однако выстраиванию новых отношений существенно препятствуют непреодоленные последствия кризиса в Испании, Португалии и ряде других главных партнеров региона в Старом Свете. В этой связи генеральный секретарь Иberoамериканского генерального секретариата (Secretaría General Iberoamericana, SEGIB) Энрике Иглесиас* отметил, что именно расширение торговли с латиноамериканским регионом может помочь Европе выбраться из кризиса, так как благодаря этому будут созданы новые рабочие места⁹.

Событием, вбившим своеобразный клин в построение трансатлантического партнерства, стал первый в современной международной практике инцидент, связанный с отказом Испании, Португалии, Италии и Франции в июле 2013 г. предоставить свое воздушное пространство для пролета правительственного самолета Боливии, в котором находился президент Эво Моралес, возвращавшийся из Москвы. Поводом стали подозрения, что на его борту скрывался объявленный Вашингтоном в розыск бывший агент американских спецслужб Сноуден.

Столь унижающее и нарушающее все нормы международного права отношение к высшему должностному лицу суверенного государства вы-

* На 23 Иberoамериканском саммите в Панаме (ноябрь 2013 г.) Э.Иглесиас снял с себя полномочия генерального секретаря. — *Прим.авт.*

звало резко отрицательную реакцию подавляющего большинства латиноамериканских государств. Став рецидивом преобладавшего долгое время в правящих кругах Старого Света взгляда на Латинскую Америку как на периферию мирового сообщества, это нанесло сильный моральный урон перспективам взаимодействия двух регионов.

Другим «ответом» стран ЛКА на возможные риски маргинализации стало дальнейшее наращивание интеграционных усилий в рамках стратегии опоры на собственные силы в достижении устойчивого развития. Особого внимания в этой связи заслуживает образованный по инициативе Бразилии в 2008 г. Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, Unasur). Его ресурсный потенциал является одним из крупнейших в мире. Достаточно сказать, что в составляющих его государствах сосредоточено 65% мировых запасов лития, 42% серебра, 38% меди, 33% свинца, 21% железной руды, 18% бокситов, 14% никеля¹⁰. По оценкам экспертов, потенциальные запасы стратегического сырья существенно превосходят вышеприведенные данные уже разведанных месторождений.

Объединение самодостаточно в области обеспеченности энергоресурсами (запасы нефти в бассейне р. Ориноко в Венесуэле, на континентальном шельфе Бразилии, а также одни из крупнейших в мире запасы сланца в Аргентине, которым еще предстоит разработка). В Южной Америке сосредоточено 30% гидроресурсов планеты, более 70% запасов пресной воды Западного полушария. В принятой еще в 2004 г. Декларации Куско, провозгласившей создание группировки, ставилась задача «развивать политическую и экономическую интеграцию с целью повысить роль государств в мировой политике». По сути, речь шла о создании нового силового центра не только в Западном полушарии, но и в международных отношениях в целом. Совокупный потенциал нового образования выглядит весьма внушительно. Площадь расширенного торгово-экономического пространства превышает 17 млн км². Население 12 государств-членов на момент создания составляло 377 млн человек. Суммарный ВВП группировки превзошел 1,5 трлн долл.

Однако привлекает внимание не только экономический потенциал блока, но и его военно-политическая ориентация. Бразилия как инициатор и лидер Unasur выступила с идеей создания Совета обороны объединения. По заявлению министра обороны в правительстве Луиса Инасио Лулы да Силвы (2002—2010 гг.) Нелсона Жобима, страны региона должны в рамках совета разрабатывать единую военную стратегию для защиты своих природных ресурсов и населения.

С 2005 г. после совещания министров иностранных дел восьми амазонских стран в г. Манаос (Бразилия) было принято решение о создании в рамках Unasur специального механизма сотрудничества в бассейне Амазонии. Занимавший в то время пост министра иностранных дел Бразилии Селсу Аморим на совещании отметил слабую защищенность этого стратегически важного района, где фактически бесконтрольно действуют банды наркодельцов, идет неконтролируемая вырубка лесов. Соседним государствам в этой связи была предоставлена возможность получать информацию бразильской спутниковой разведки Амазонии. С.Аморим, став в 2010 г в правительстве Д.Руссефф министром обороны, выступая на конференции в аргентинской Школе национальной обороны, предложил усилить защитные функции Unasur, в частности, создав Южноамериканское агентство

космических исследований, которое разрабатывало бы спутниковые технологии для более тщательного мониторинга Амазонии.

В 2010—2012 гг. дальнейшее развитие получила организационная структура Unasur. Кроме упоминавшегося выше совета по обороне были созданы советы по инфраструктуре, энергетике, борьбе с наркобизнесом, а также по социальному развитию, науке, инновациям и новым технологиям. В июне 2011 г. со штаб-квартирой в Аргентине учрежден Совет по устойчивому развитию и финансам, в который вошли министры финансов и президенты центральных банков объединения.

Однако, несмотря на впечатляющую структуру и провозглашенные далеко идущие цели, следует учитывать, что фактически Unasur еще находится в стадии становления, и о том, насколько эффективно он заработает, судить пока рано. Во всяком случае, на этом пути имеется немало препятствий. Риски дестабилизации Unasur по-прежнему достаточно серьезны. Во-первых, они связаны с политической гетерогенностью объединения. Существенно разнятся и модели экономического развития стран-участниц. Во-вторых, создание Тихоокеанского альянса внесло определенный диссонанс в деятельность сообщества. В-третьих, лидер группировки — Бразилия — столкнулась не только с серьезными финансово-экономическими трудностями (ВВП страны в 2012 г. вырос всего на 0,9%), что еще несколько лет назад даже трудно было себе представить. В Бразилии резко снизилась и эффективность внутрирегиональных связей. Экспорт в государства Латинской Америки в 2012 г. упал на 9,4%. С июня 2013 г. южноамериканский гигант вошел в штопор внутривнутриполитических пертурбаций, которых Бразилия не знала в течение последних двух десятилетий. Бывший президент Бразилии Энрике Кардозо — один из самых авторитетных социологов ЛКА — отметил, что страна не справилась с ролью лидера региона и не смогла предотвратить его фрагментацию. По его мнению, во многом следствием этого и стало образование Тихоокеанского альянса¹¹.

Таким образом, начало XXI в. охарактеризовалось существенным усложнением геополитической ситуации в Латинской Америке. Попытки нейтрализации одних рисков породили другие, которые заметно затруднили практическую реализацию доктрины «латиноамериканского единства». Государства региона встали перед непростым выбором и в плане интеграционных союзов, и внерегиональных партнеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.П.С у д а р е в. Межамериканская система: генезис и эволюция (конец XIX — начало XXI века). М., 2008, с. 236—253.

² <http://www.infolatam.com/2013/05/29>

³ <http://www.elnuevoherald.com/2013/09/28>

⁴ <http://www.infolatam.com/2013/08/07>

⁵ А.А.Л а в у т. Поиски латиноамериканской модели. — Латинская Америка, 2011, № 2, с. 20.

⁶ <http://www.infolatam.com/2013/07/21>

⁷ <http://www.infolatam.com/2013/04/21>

⁸ <http://www.infolatam.com/2013/05/27/america-latina-una-oportunidad-desaprovechada...>

⁹ Ibidem.

¹⁰ Recursos naturales de UNASUR. Situación y tendencias para una agenda de desarrollo regional. CEPAL, Santiago de Chile, Mayo de 2013, p. 7.

¹¹ <http://www.infolatam.com/2013/05/30>